

Мелуфры, дневники, письма

Дневники 1942-1956
**ЕВГЕНИЙ
ШВАРЦ**

*Московская
телефонная книжка*

Издательство АСТ

Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш33

Дизайн серии *Григория Калугина*

Шварц, Евгений Львович

Ш33 Московская телефонная книжка / Евгений Шварц. — М.: Издательство АСТ, 2020. — 368 с.; ил. — (Мемуары, дневники, письма)
ISBN 978-5-17-120585-0

Евгений Шварц – известный писатель, драматург, чьи пьесы «Гольый король», «Снежная королева», «Тень», «Дракон», «Обыкновенное чудо» давно любимы читателем.

Дневники Шварца – особая часть его творческого наследия. Он начал вести их в 1926 году. Правда, в начале войны многое пришлось сжечь. Записи же, которые он делал с 1942 года, сохранились.

В своих дневниках автор ставил перед собой две задачи: научиться писать прозой, считая для драматурга это очень важным, и найти наиболее точные слова для передачи чувств, событий и настроений в тот или иной момент жизни. Создал в них Шварц и галерею портретов современников, среди которых Корней Чуковский, Самуил Маршак, Сергей Городецкий, Юрий Герман, Дмитрий Шостакович, Иракий Андроников и многие другие. Обо всех Шварц рассказывает тепло и иронично, порой язвительно, показывая знаменитых людей с совершенно неожиданной стороны.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120585-0

© Е.Л. Шварц (наследники), 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Дневники

1942-1955 годы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дневники — особая часть творческого наследия Е. Л. Шварца. Писатель вел их почти с самого начала своей писательской деятельности — с 1926 года. К сожалению, воспоминания о жизни молодой советской литературы и создании нового театра, о суровых днях блокады Ленинграда не сохранились. Покидая Ленинград по решению исполкома горсовета в декабре 1941 года Шварц сжег свои дневники, не имея возможности взять их с собой.

Однако попав на Большую землю, в город Киров, одновременно с возобновлением творческой деятельности он вновь вернулся к дневникам. Ведя их, Шварц ставил перед собой две основные задачи: учился писать прозой, считая для драматурга это очень важным, и стремился «поймать миг за хвост», то есть найти наиболее точные слова для передачи чувств, событий и настроений в тот или иной момент жизни.

Структура дневников довольно сложна. В них содержатся и заметки, характерные для записных книжек, — отдельные слова, выражения, обратившие на себя внимание и наброски для будущих пьес и самые обычные записи о событиях текущего дня. С 1950 года структура дневников становится еще более сложной — в них постоянно проходит тема воспоминаний. В результате создается полная автобиография писателя, начинающаяся с первых детских впечатлений и идущая через отроческие годы, проведенные в небольшом южном городе Майкопе. Здесь он научился читать и писать, здесь посмотрел первые спектакли на сцене Пушкинского народного дома, где в качестве артистов-любителей выступали его родители, здесь придумывал целые представления с куклами, игрушками, декорациями, здесь выступал с декламацией на вечерах в реальном училище. В этом городе к нему пришло твердое

решение стать литератором, здесь в глубокой тайне даже от самых близких людей он написал первые стихи. В Майкопе девятилетний Женя Шварц стал свидетелем революционных событий 1905 года, первых митингов и демонстраций, запомнившихся на всю жизнь. Писатель рассказывает о годах учебы в Московском университете, о поступлении в Театральную мастерскую в Ростове-на-Дону, о приезде в составе труппы этой мастерской в Петроград, о новых знакомствах, о первых книжках и пьесах, принесших ему известность, о днях блокады Ленинграда, об участии в противовоздушной обороне города, о годах эвакуации и возвращении в послевоенный Ленинград. Автобиография доведена до конца. Последняя запись сделана 4 января 1958 г., за одиннадцать дней до смерти писателя.

Не все периоды жизни отражены в дневниках одинаково подробно, некоторые пропущены совсем. Иногда, следуя по «волнам своей памяти», автор возвращается к уже описанному периоду, дополняя его новыми деталями.

В составе дневника осуществлена и очень интересная работа, названная Шварцем «Телефонная книжка». Это, по сути, галерея портретов современников, за которыми встает целая эпоха общественной и культурной жизни страны. Исходным материалом для миниатюр послужила обычная записная книжка, куда в течение многих лет в алфавитном порядке заносились телефоны людей, с которыми постоянно общался Шварц. Как правило, это были писатели, артисты, режиссеры, музыканты, художники. О них Шварц рассказывает одно временно иронично и деликатно, насмешливо и тепло...

1942 г.

9 апреля

Читал о Микеланджело, о том, как беседовал он в саду под кипарисами о живописи. Читал вяло и холодно — но вдруг вспомнил, что кипарисы те же, что у нас на юге, и маслины со светлыми листьями, как в Новом Афоне. Ах, как ожило вдруг все и как я поверил в «кипарисы» и «оливы», и даже мраморные скамейки, которые показались мне уж очень роскошными, стали на свое место, как знакомые. И так захотелось на юг.

19 апреля

Владимир Васильевич Лебедев¹ заходит за мною, чтобы идти в театр поговорить с Рудником² о декорациях к моей пьесе «Одна ночь». Я не особенно привык к тому, что пьесы мои ставятся. Мне кажется, что если пьеса написана, прочитана труппе и понравилась, то на этом, в сущности, дело и кончается и кончаются мои обязанности. Но Маршак всегда так энергично и хлопотливо готовит свои сборники к печати, так пристально разглядывает и упорно обсуждает каждый рисунок, что привыкший к этому Лебедев ждет и от меня такого же отношения к эскизам костюмов и декораций. Лысый, с волосами, чуть завивающимися над висками, в круглых черных очках, в картузе, в американских сапогах с толстыми подошвами, странный, но вместе с тем ладный и молодежавый, заботливо и вместе с тем нелепо одетый, Лебедев спрашивает меня: «Вы, может быть, кушинькаете?» У него есть эта привычка: вдруг заговорить детским, ошеломляюще детским языком. Я говорю, что я, нет, не кушаю, и мы отправляемся в театр. По дороге разговариваем о пьесе, которую Лебедев знает удивительно хорошо. Говорит он то понятно, убедительно, то вдруг неясно, загадочно, хохочет при этом еще, так что совсем ничего не разберешь. Рудника мы застаем в кабинете. Он красив, выбрит. Я замечаю вдруг, что

у этого грубоватого, самоуверенного, умеющего жить человека длинные, тонкие красивые пальцы. У него манера говорить характерная. Обрывает вдруг на середине фразу, не зная, очевидно, как ее закончить, но делает он это спокойно, не пытаясь даже найти ей конец. Ставит точки посреди фразы. Например: «Теперь мы репетируем эту. Во вторник можно в четыре встретиться. До этого я найду. Малюгин³ зайдет, и мы».

23 июля

17 июля я уехал в Котельнич, гостил у Рахманова⁴ и пробовал делать то, что умею хуже всего, — собирал материалы для пьесы об эвакуированных ленинградских детях. Рахманов принял меня необычайно приветливо и заботливо. Вероятно, благодаря этому я чувствовал себя там так спокойно, как никогда до сих пор в гостях. Видел эвакуированные из Пушкина ясли, детская санатория бывшая. Говорил с директоршами — это было очень интересно, но как все это уместится в пьесу, да еще и детскую?

18 октября

Я за это время написал пьесу, которую назвал «Далекый край». Это пьеса об эвакуированных детях. 13 сентября я поехал в Москву, повез пьесу в Комитет. Ее приняли. В Москве я прожил до 4 октября. Бывал у Шостаковича. Познакомился там с художником Вильямсом, с его женой — артисткой, которая играла Варвару в «Айболите». Заключил договор на пьесу в кино. «Одна ночь» ходит по рукам, ее хвалят очень Шток⁵, Шкваркин⁶, Шостакович, Каплер⁷.

1943 г.

6 марта

1 февраля Большой драматический театр погрузился в вагоны (два классных и, кажется, четырнадцать товарных) и уехал в Ленинград.⁸ 11 февраля они, не перегружаясь, доехали до Ленинграда. Я уезжал в детскую санаторию Каньп. Отвозил туда Наташу⁹. Перед отъездом моим я согласился работать завлитом в Кировском областном драматическом театре, вернувшемся из города Слободского сюда, на старое место. Работаю там. То есть обсуждаю пьесы, смотрю спектакли, разговариваю.

3 августа

И вот мы уже в Сталинабаде¹⁰. Выехали в ночь на десятое июля и приехали 24-го. Три дня пробыли в Новосибирске, два дня — в Ташкенте. Сталинабад поразил меня. Юг, масса зелени, верблюды, ослы, горы. Жара. Кажется, что солнце давит. Кажется, что если подставить под солнечные лучи чашку весов, то она опустится. Я еще как в тумане. Собираюсь писать, но делаю пока что очень мало. В Союзе писателей я познакомился с Сергеем Городецким. Хочу поездить, походить по горам.

1944 г.

23 января

Поездить и походить по горам я не успел до сих пор, хотя послезавтра уже полгода, как я живу здесь. Уже зима, которая похожа здесь на весну. На крышах кибиток растет трава. Трава растет и возле домов, там, где нет асфальта. Снег лежит час-другой и тает. Не успел я поездить и походить, потому что Акимов уехал в августе в Москву и я остался в театре худруком. Кроме того, я кончал «Дракона». До приезда Акимова (21 октября) я успел сделать немного. Но потом он стал торопить, и я погнал вперед. Сначала мне казалось, что ничего у меня не выйдет. Все поворачивало куда-то в разговоры и философию. Но Акимов упорно торопил, ругал, и пьеса была кончена, наконец. 21 ноября я читал ее в театре, где она понравилась...

В Москве Акимов долго выяснял дальнейшую судьбу театра. Было почти окончательно решено, что театр переезжает в Москву. Но вдруг Большаков¹¹ добился в ЦК, чтобы театр послали в Алма-Ату, где на киностудии страдают от отсутствия актеров. В результате театр оказался в непонятном положении. В Алма-Ату как будто в конце концов, после хлопот Акимова, ехать не надо. Но с другой стороны — приказ о поездке не отменен. После долгих ожиданий, переписки, телеграмм Акимов 25 декабря опять уехал. Сначала в Алма-Ату. Потом в Москву. С 12 января он опять в Москве, а мы все ждем, ждем. Все эти полгода прошли в том, что мы ждали. Была надежда, что театр поедет в Сочи, чтобы там готовить московские гастроли; потом мы думали, что уедем в Кисловодск. Много разных периодов ожиданий прошло за эти полгода. Как разные жизни, разно окрашенные, с разными подробностями.

26 января

Я получил двадцать четвертого телеграмму из Москвы от Акимова: «Пьеса блестяще принята Комитете возможны небольшие поправки горячо поздравляю Акимов». Это о «Драконе». В этот же день получена от него телеграмма, что поездка в Алма-Ату окончательно отпала, а московские гастроли утверждены. Срок гастролей он не сообщает.

11 февраля

За эти дни я получил еще две телеграммы. От Акимова: «Ваша пьеса разрешена без всяких поправок, поздравляю, жду следующую», и от Левина¹²: «Горячо поздравляю успехом пьесы». Обе от 5 февраля.

7 марта

Приехал Акимов позавчера, пятого марта, в воскресенье. Рассказывает, что «Дракон» в Москве пользуется необычайным успехом. Хотят его ставить четыре театра: Камерный, Вахтанговский, театр Охлопкова и театр Завадского¹³. Экземпляр пьесы ВОКС со статьей Акимова послал в Москву. Не в Москву, а в Америку.

17 июня

«Дракона», которого так хвалили, вдруг в конце марта резко обругали в газете «Литература и искусство». Обругал в статье «Вредная сказка» писатель Бородин. Тем не менее разрешен закрытый просмотр пьесы. Он состоится, очевидно, в конце июня или в начале июля. Все это я пишу в номере, очень большом номере, гостиницы «Москва». Уже месяц, как театр переехал сюда. Точнее — месяц назад, 17 мая, приехал первый вагон с актерами. Собираться в Москву мы начали еще в апреле. Акимов уехал передовым, а мы все собирались и ждали, ждали.

16 июля

«Дракон» все время готовится к показу, но день показа все откладывается. Очень медленно делают в чужих мастерских (в мастерских МХАТа и Вахтанговского театра) декорации и бутафорию. Вчера я в первый раз увидел первый акт в декорациях, гримах и костюмах. Я утратил интерес к пьесе.

9 декабря

«Дракон» был показан, но его не разрешили. Смотрели его три раза. Один раз пропустили на публике. Спектакль имел успех. Но потребовали много переделок. Вместо того чтобы заниматься мелкими заплатками, я заново написал второй и третий акты. В ноябре пьесу читал на художественном совете ВКИ. Выступали Погодин, Леонов — очень хвалили, но сомневались. Много говорил Эренбург. Очень хвалил и не сомневался. Хвалили Образцов, Солодовников. Сейчас пьеса лежит опять в Реперткоме.

10 декабря

Начал писать новую пьесу. Работаю мало. Целый день у меня народ. Живу я все еще в гостинице «Москва», как и жил. В газете «Британский союзник» 3 декабря напечатали, что моя «Снежная королева» была поставлена в новом детском театре в Манчестере. Сейчас театр гастролирует в Лондоне. Напечатано три фотографии...

15 декабря

Я почти ничего не сделал за этот год. «Дракона» я кончил 21 ноября прошлого года. Потом все собирался начать новую пьесу в Сталинабаде. Потом написал новый вариант «Дракона». И это все. За целый год. Оправданий у меня нет никаких. В Кирове мне жилось гораздо хуже, а я написал «Одну ночь» (с 1 января по 1 марта 42 года) и «Далекий край» (к сентябрю 42 года). Объяснять мое ничегонеделание различными огорчениями и бытовыми трудностями не могу.

1945 г.

23 июля

17 июля 1945 года я переехал на старую мою квартиру, которую в феврале 42-го разбило снарядом. Квартира восстановлена. Так же окрашены стены. Я сижу за своим прежним письменным столом, в том же павловском кресле. Многое сохранилось из мебели. Точнее — нам кажется, что многое, потому что думали мы, что погибло все. Часть вещей спрятала для нас Пинегина, живущая в квартире наискосок от нас. Она уезжала на фронт. Квартира ее была запечатана, и поэтому вещи сохранились. Итак, после блокады, голода, Кирова,

Сталинабада, Москвы я сижу и пишу за своим столом у себя дома, война окончена, рядом в комнате Катюша¹⁴, и даже кота мы привезли из Москвы.

11 августа

Ночью шел по бульвару вдоль Марсова поля. Взглянул на Михайловский сад и сам удивился — до того он был прекрасен. Точнее, как меня потрясла его красота — вот что меня удивило. Вечером девятого пошел к Герману с Наташей. По дороге мы слышали позывные московского радио. У Германа нет приемника, и только поздно вечером мы узнали, что началась война с Японией. Мы сидели в большой комнате Германа, окнами она выходит на Мойку. Напротив — квартира Пушкина. Все окна в ней без стекол. Вместо них — не то серая фанера, не то кровельное железо. И у Германа из четырех комнат полупригодны для жилья только две. В окнах фанера, только в одном есть почти полностью стекла.

12 августа

Сценарий «Золушки» все работается и работается. Рабочий сценарий дописан, перепечатывается, его будут на днях обсуждать на художественном совете, потом повезут в Москву. Много раз собирались мы у Надежды Николаевны Кошеверовой — она будет ставить «Золушку». Собирались в следующем составе: я, оператор Шапиро и художник Блейк или Блэк — не знаю, как он пишет свою фамилию. Кошеверова — смуглая, живая, очень энергичная, но ничего в ней нет колочего, столь обычного у смуглых, живых и энергичных женщин. И не умничает, как все они. Шапиро — полужид, полугрузин. Приятный, веселый, беспечный, сильный человек. Странно видеть, как дрожит у него одна рука иногда, и как он вдруг иногда начинает заикаться. Это следствие сильной контузии. В начале войны он был в ополчении. Блэк — длинный, черный, в профиль чем-то похож на Андерсена. В этом — иногда — вдруг ощущается нечто женственное и капризное. Он — самый активный из всех обсуждающих рабочий сценарий. Но предложения его меня часто приводили в отчаянье. То ему хочется, чтобы король любил птиц, то — чтобы часы на башне били раньше, чем они бьют в литературном сценарии.

21 октября

Сегодня день моего рождения. Мне исполнилось сорок девять лет. Пришлось этот день на воскресенье. И я мечтаю, что это к счастью. В этом году очень ранняя осень перешла в настоящую зиму дня два-три назад. На крыше дома напротив я вижу снег, на карнизах тоже, на остатках водосточных труб висят сосульки. Я за последние два месяца с огромным трудом, почти с отворачиванием, работал над сказкой «Царь Водокрут». Для кукольного театра. Вначале сказка мне нравилась. Я прочел ее труппе театра. Два действия прочел. Актеры хвалили, но я переделал все заново. И пьеса стала лучше, но опротивела мне. Но, как бы то ни было, сказка окончена и сдана. Но запуталось дело со сценарием, который заказал мне для режиссера Роу «Союздетфильм»...

«Золушку» готовят к съемкам. Боже мой, какое это громоздкое, бестолковое, неуклюжее предприятие. Картину решили делать цветной, отчего все дело еще более усложнилось. Снимать ее собираются в Праге, что тоже дела не упростит.

1946 г.

18 января

Вот и пришел новый год. Сорок шестой. В этом году, в октябре, мне будет пятьдесят лет. Живу смутно. Пьеса не идет. А когда работа не идет, то у меня такое чувство, что я совершенно беззащитен и всякий может меня обидеть. Новый год после пятилетнего перерыва (41–46) встречали мы в Доме писателей. Было тесно, шумно, бестолково, но сытно и не скучно. Мы пытались устроить так, чтобы у встречающих не вырезали из карточек талоны. Ездили делегацией в Ленсовет. Из поездки ничего не вышло. Талоны резали, но зато по этим талонам выдали продукты высокого качества. Жалоб не было. Было тесно, шумно, бестолково, но празднично. Тем не менее работа над пьесой не идет. 11-го Михалков читал в Комедии свою пьесу «Смех и слезы». Имел огромный успех. После этого я пошел к нему обедать. Он жил в «Астории» вместе со Львом Никулиным. На другой день Михалков и Никулин читали в Доме писателей. Михалков — басни. Никулин — отрывки из книги о Шалапине. После чтения мы ужинали в кабинете директора Дома. Были Ахматова, Зощенко, Орлов¹⁵, Ли-